

НЕ ЗАБЫТО

Спектакль «Алексей и Ольга»
на сцене Театра имени
Ленинского комсомола

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ Ленинградской комсомольской организации посвятил свой новый спектакль Театр имени Ленинского комсомола. Театр обратился ко времени, которое стало как бы вечным символом жестоких испытаний и великого мужества. Пьеса И. Герасимова и И. Цюицкого «Алексей и Ольга», созданная по мотивам повести И. Герасимова «Пять дней отдыха», воскрешает эпизоды ленинградской блокады. Тема эта, сколько бы раз ее ни касалось искусство, обжигает сердца. И новый спектакль подтверждает это. Но волнует он не только верностью жизненным фактам, но и особым углом зрения театра, особой духовной атмосферой.

Спектакль решен художником Д. Афанасьевым в едином сером цвете. Только однажды на сцене появляются интенсивно яркие краски, белые атласные платья, черные фраки, алый бархат. Но кто же не знает, что Театр музкомедии, который показан в спектакле, был частью жизни блокадного Ленинграда? (В этот момент на сцене царят шутка и... некоторая доля иронии. Эта ирония по отношению к иным штампам веселого жанра могла бы показаться обидной. Но это добрая ирония. Она не снижает уважительного отношения к подвижнической работе артистов Музкомедии, которые сумели сохранить юмор и легкость в трудные блокадные времена.)

Итак, за исключением одной сцены, в спектакле преобладает суровый серый колорит. Серым кажется самый воздух, нехитрые лаконичные интерьеры, площадь с провисшими, занедвешенными проводами, одежды людей. Серого цвета и высокие, крупной кладки стены, которые с двух сторон обрамляют сцену. На одной из них высвечиваются знакомые слова: «При артобстреле эта сторона улицы явля-

лась опасной». В данном случае это не подробность блокадной жизни, а как бы фрагмент одного из мемориальных ансамблей, которые сооружаются сегодня в память тех героических дней. И спектакль создан театром тоже в память того времени. Но обращен он к сегодняшней молодежи. Рассказывая один из многих блокадных сюжетов, театр хочет, чтобы молодежь наших дней прониклась нравственным духом поколения сорок первого года. Поэтому в истории Алексея и Ольги театр сосредоточивается на моментах познания жизни, формирования души. Этот заучисел осуществлен режиссером А. Товстоноговым последовательно и логично, несмотря на то, что он встретился с драматургически несостоятельным материалом.

Истинным героем спектакля стал Алексей Казанцев в исполнении В. Яковлева. За плечами Алексея каких-нибудь двадцать мальчишеских лет, но в душе непрерывная внутренняя работа. Однако размышления о жизни этого юноши настраивают его не на созерцательный, а на деятельный лад. Кажется, самая любовь его к Ольге родилась из внутренней потребности спасти человека. В определенной мере эта любовь для него — неожиданность. Впрочем, в неожиданности решений и поступков появляется творческое начало натуры героя. Алексей менее всего склонен к анализу своих действий. Вряд ли он вообще замечает, какого напряжения воли потребовала от него жизнь. Это можем оценить мы, зрители. Но Алексей, не ощущая усталости, действует по какому-то безошибочному духовному чутью. Так, человек, самый юный и житейски необпытный, оказывается самым мудрым и сильным.

Ольгу играет В. Зиганшина. Остро запоминается торжественная одино-

кая фигурка. Под тяжелой одеждой угадывается хрупкое, поникшее от неральной борьбы тело девушки. То, о чем скупое сказано в тексте, раскрывается режиссерской мизансценой, пластикой актрисы. Зиганшина отлично передает внутреннюю усталость Ольги, когда сопротивление почти сломлено и человек вот-вот окажется на краю гибели. Слабее, пожалуй, сыгран второй акт. Возвращение Ольги к жизни начинается с лишнего сухаря, который приносит ей Алексей. Но ведь этот сухарь прежде всего согревает душу. И хотя это процесс не мгновенный, он мог бы быть отчетливее. Думается, при всей намеренной сдержанности тона актрисы, при всей недоговоренности и лаконизме образ Ольги может быть отмечен большей одухотворенностью.

Кстати, о лаконизме. Кто в спектакле менее многословен, чем отец Ольги Кошкин, чья роль сведена почти к молчанию. Но из этих зон молчания и скупых реплик М. Ладыгин создал непростой характер человека трудной судьбы, на свой лад самоутвержденного и честного. Не слишком общительный, не склонный к легковерию, он, естественно, не проявил восторга, увидев Алексея рядом с Ольгой. Но вместе с тем чувствующий, как этот парень даже против воли Кошкина вошел в его жизнь. И при всей внешней агрессивности его отношения к «романсу» Ольги и Алексея он обезоружен их брачным союзом, и в глубине его души происходит серьезный сдвиг.

Но есть в спектакле образы, которые существенно противоречат его общей атмосфере. Здесь дают себя знать издержки инсценировки и просчеты театра. М. Розанов, играет бывшего актёра Далевского, человека несправимо штатского в любой обстановке,

Розанов играет, быть может, тактично и мягко, но играет хорошо знакомый вариант характера.

Роль женщины в загсе сыграла И. Слободской очень энергично. Актриса свободно переходит от рассерженного тона к изумлению, от изумления к умилению и т. д., но легкость переходов лишь подчеркивает внешний характер исполнения.

Куда скромнее и, добавим, интереснее выглядят другие персонажи, сыгранные молодыми актерами театра. Например, Крылов (Р. Литвинов). В его речи вроде бы все время звучит жесткая интонация приказа, но сквозь это просвечивает человек, который всей кожей чувствует настоящую ответственность за людей, чья судьба ему доверена. И хотя эти люди разные, с разной степенью человеческой зрелости и внутренней культуры, но, случайно оказавшись в заброшенной школе, сидя за школьными партами, они заново проходят науку жизни. И оказывается, что вроде недалекий Шустов (В. Ильичев), любящий пофантазировать по части кулинарии, резко срывающийся из-за куса хлеба, который, как ему показалось, хотели у него отнять, способен пережить свой срыв как отчаянный и жгучий стыд. Или Воеводин (А. Ниценко), который под напускным цинизмом прячет горечь первых личных потерь.

Театр не приукрашивает своих героев и не изливает их. Цинизм есть цинизм, и истерика из-за куска, будь на то особые объяснения, тоже не красит человека. Но театр утверждает гуманизм советских людей, их бесконечную способность к совершенствованию, утверждает как норму поведения в любых обстоятельствах.

Н. ПЛЯНКОВСКАЯ

13 ДЕНЬ 1968

Ленинградская пресса
г. Ленинград